
Иван Аймалиев

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕТЕВОЙ ПОЛИЦЕЙСКОЙ КОРРУПЦИИ В БОЛГАРИИ И РОССИИ

Паразитируя на обществе, коррупционные сети являются процветающими социальными структурами, которые, несмотря на попытки институциональных реформ, эволюционируют и сохраняют устойчивость. Анализ механизмов организованной полицейской коррупции и ее последствий для социально-экономического развития и безопасности направлен в этом исследовании на то, чтобы понять, как коррупция функционирует в форме сети при различных институциональных режимах. Для достижения этой цели используется теоретическая рамка, которая включает анализ организованной преступности, скрытых сетей, секретных сообществ и организационные теории. Работа выполнена с использованием смешанной методологии, объединившей методы сравнительного анализа кейсов и качественного анализа социальных сетей. Это позволило выявить реальные схемы функционирования коррупционных полицейских сетей в Болгарии и России. Анализ показывает, что несмотря на различие проявлений коррупции в разных институциональных режимах, коррупционная сеть обладает общей конфигурацией. Теневые полицейские сообщества обычно имеют ядро, возглавляемое высокопоставленными руководителями, которым помогают теневые финансисты, принимающие ключевые экономические и политические решения. Ядро создает буферную зону, чтобы защитить себя от уголовного преследования. Рядовые полицейские выполняют всю опасную работу, тогда как руководители остаются незамешанными в коррупции. В результате формируется периферия, включающая клиентелу, финансирующую, предупреждающую и защищающую коррупционную сеть от внутренних и внешних угроз. «Сетевая» коррупция в полиции больше напоминает

Иван Методиев Аймалиев – младший научный сотрудник лаборатории социологического анализа и лаборатории сравнительных социальных исследований, НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: iaymaliev@hse.ru.

интеллектуальное предприятие, чем уголовную организацию анархического толка. Она имеет постоянных клиентов, владельцев и сотрудников. Существует свидетельство четкого разделения труда, иерархии и наличия определенных обязанностей. Коррупционный процесс тщательно отработывается с клиентом, организуется и реализуется в определенном порядке, в котором каждый член сети добавляет свой вклад в конечный продукт. Тем не менее такое поведение полицейских совершенно не способствует развитию эффективного и демократического государства. Как и организованная преступная группировка, такие полицейские фабрики угрозы и создают атмосферу незащищенности. Это дискриминирует участников рынка и несправедливо по отношению к тем полицейским, которые поддерживают порядок.

Ключевые слова: коррупция, скрытые сети, полиция, Болгария, Россия, сравнительный кейс-стади, качественный анализ социальных сетей

Исторически коррупция возникла в качестве альтернативы насилию и принуждению для разрешения конфликтов между соперничающими полями стратегического действия (Scott 1967), для возмещения нехватки финансирования государственной бюрократии, а также в качестве механизма повышения эффективности функционирования государства и рынка. Являясь мощным инструментом институциональных изменений, дополнительного финансирования и политической консолидации, коррумпированные сети были глубоко укоренены в обществе и рынках (Lauchs et al. 2011). Несмотря на институциональные трансформации, реформы, скандалы и социальные издержки, коррупция оставалась устойчивым явлением, которое постоянно изменялось и эволюционировало (Punch 2009; Lauchs et al. 2011). Однако, чтобы коррупция процветала несмотря на институциональные изменения, она должна иметь сильных лидеров, способных привлекать достаточно квалифицированных исполнителей, которым можно доверять, а также изощренную технологию реализации, для защиты от уголовного преследования.

Коррупция имеет негативные последствия для экономического роста, социально-экономического развития (Ivković 2005), национальной, а также международной безопасности (Gerber, Mendelson 2008). Бороться с коррупцией в полиции сложнее, чем с другими видами преступности, так как полицейские знают, как противостоять попыткам расследования их деятельности. Знание конфигурации коррупционных сетей позволяет предпринимателям ими манипулировать (Granovetter 2004), рассчитать издержки, связанные с выходом на рынок. В этом исследовании коррупция в полиции понимается в качестве организованной преступности, что основано на схожих представлениях других авторов (Punch 2009).

Криминологи и специалисты по сетевому анализу исследовали структуру, формирование и поведение криминальных сетей. Чтобы понять, каким образом организуются и осуществляются задачи, необходимо изучить

схемы, в соответствии с которыми действует организованная преступность (Abadinsky 2012). Моделирование ее структуры поможет понять, как она работает, и таким образом расширить возможности исследовать, предсказывать, контролировать и разрушать ее.

В то же время практически отсутствуют сравнительные исследования, изучающие коррупционные сети в межстрановой перспективе. Одной из причин этого является отсутствие надежных данных. Официальные данные по организованной преступности и коррупции в полиции являются строго конфиденциальными и, как правило, их рассекречивают лишь после определенного периода времени. Большинство исследований проводилось на устаревших данных, выборка, в свою очередь, была ограничена развитыми демократическими странами. Практически отсутствуют исследования переходных обществ (см., Dubova, Kosals 2013).

Также как и любые теневые структуры, коррумпированные сети сталкиваются с проблемой противоречия между эффективностью и секретностью (Morselli et al. 2007). Объединение индивидов в сеть позволяет увеличить прибыль и власть, но в то же время приводит к росту риска обнаружения. Теоретики скрытых сетей показали, как преступники защищают себя путем сокрытия связей, избегая оказываться в «центральных узлах» (Crossley et al. 2012), опираясь на временные альянсы (Hobbs 1995), стремясь к диверсификации обязанностей среди участников сети (Lauchs et al. 2011). Теория организованной преступности отмечает еще один источник устойчивости: теневые сети имеют тенденцию к развитию буферных узлов на периферии, чтобы защитить себя и ядро сети от преследования. Вождь дергает за ниточки, скрытые за цепочкой из нескольких подчиненных, которые развивают масштабную активность, в то время как руководители оказываются ни в чем не замешанными, что обеспечивает их защиту (Lauchs et al. 2011).

Учитывая, что сетевая коррупция слабо изучена (см., Granovetter 2004), а также принимая во внимание ее негативное влияние на социально-экономическое развитие, в данном исследовании предпринимается попытка ответить на вопрос, как функционируют коррупционные полицейские сети в различных институциональных режимах. Используется смешанная методология анализа, объединяющая анализ кейсов (Eisenhardt, Graebner 2007) и качественный анализ социальных сетей (Crossley 2010; Edwards 2010), для выявления схем работы действующих полицейских коррупционных сетей в Болгарии и России. Для решения данной задачи выявляются устойчивые поведенческие структуры криминального поведения и разрабатывается обобщенная модель социальной сети коррупции в полиции.

Коррупционные полицейские сети

Исследователи указывают, что «сетевая» коррупция в полиции имела характер транзакционной сети, в которой «взаимодействие, взаимопомощь

и доверие в сочетании с набором общих социально одобряемых и санкционированных норм, установленных и поддерживаемых через давление коллектива, были краеугольным камнем в поддержании и сокрытии группы» (Lauchs et al. 2011)¹. Взаимность поддерживает круговую поруку, связывает сотрудников полиции и их клиентов, защищает сеть от расследований. В результате «эффекта домино», когда цепь разрывается, незаконная схема обнаруживается (Lauchs et al. 2011).

Взаимные отношения, однако, не обязательно означают эквивалентность обмена, и социальные отношения могут быть разбалансированными. Высокопоставленные полицейские могут оказывать экономическую помощь и обеспечивать защиту, как от легальных, так и нелегальных требований власти. Подчиненные платят взамен нематериальными активами: репутацией, лояльностью или совершением незаконных приобретений в пользу своих руководителей. Такие отношения в криминологической литературе определяются как «патрон-клиентские», или «двухканальные» сети, *two-mode networks* (Abadinsky 2012). Особенностью организованной полицейской коррупции является то, что, в отличие от индивидуальной коррупционной деятельности, ее участники преследуют не только личную выгоду, но действуют в интересах сети в целом.

Методы и данные

В исследовании используется метод сравнительного кейс-стади (Eisenhardt, Graebner 2007). В частности, мы прибегаем к подходу т.н. теоретической выборки, отбирая случаи, которые наиболее точно подходят для иллюстрации и объяснения связи исследуемых объектов. Мы определяли коррупционные сети по четырем критериям: (1) возможность идентификации основных субъектов; (2) возможность проследить операционную деятельность основных субъектов; (3) возможность идентифицировать характер и тип коррупционных отношений, их время и место; (4) отличия характера коррумпированной преступной деятельности в разных сетях.

Для того чтобы проанализировать разные проявления коррупции в полиции, мы использовали две схемы коррупционных отношений. Первая – коррупция в «полиции безопасности» в Болгарии, вторая – «товарное рейдерство»² в России. Мы пытались избежать опасности отбора единиц анализа, основанных на зависимой переменной. В количественных сравнительных исследованиях с маленькой выборкой рекомендуется отбирать наиболее вариативные наблюдения по зависимой переменной в отличие от отбора случайным образом схожих наблюдений с меньшей

¹ Здесь и далее перевод И. Аймалиева.

² Товарное рейдерство состоит в конфискации товаров у какой-нибудь фирмы по сфабрикованному полицией уголовному делу (Dubova, Kosals 2013).

вариацией по независимым переменным, так как последняя стратегия отбора наблюдений ограничивает возможности причинно-следственного анализа (King et al. 1994). Таким образом, в рамках нашего подхода, мы избегали выбора подобных случаев за счет того, что объясняющие переменные были неизвестны до анализа.

Данные о коррупции в болгарской дорожной полиции собраны в результате проведения 24 структурированных интервью с действующими и вышедшими в отставку полицейскими, экспертами, свидетелями и жертвами коррупции в разных регионах с 2011 по 2014 гг. Имена интервьюируемых и другая идентифицирующая информация удалена по этическим соображениям. Данные о товарном рейдерстве в России получены в результате проведения экспертных интервью и из статей журнала «Эксперт».

Анализ социальных сетей возник как подход к изучению социальных отношений в отличие от изучения индивидуальных характеристик (Burt 1978). Социальная сеть определяется как совокупность акторов и отношений между ними (Wasserman, Faust 1994). В рамках анализа социальных сетей используется математический аппарат социометрии и теории графов (Mogeno 1934) и логика проведения антропологами этнографических исследований структуры родственных и межличностных отношений (Barnes 1954; Bott 1957; Mitchell 1969). Таким образом, анализ социальных сетей предполагает использование как количественных, так и качественных методов. Качественные методы анализа социальных сетей позволяют изучать процесс создания и воспроизводства социальных сетей, их восприятие, значение и контекст (Edwards 2010).

Качественный анализ социальных сетей, в частности, применим для проведения криминологических и коррупционных исследований по причине того, что неточности и неполнота данных часто не позволяют провести формализованный количественный анализ. Криминологи применяют качественный анализ социальных сетей для моделирования функционирования криминальных организаций, мафии (Abadinsky 2012), коррумпированных правительств (Kosals 2007), низовой коррупции (Jancsics 2015). Мы применяем в рамках данного исследования качественный анализ социальных сетей по нескольким причинам. Во-первых, несмотря на то, что у нас есть общее понимание того, как, когда и почему сотрудники полиции оказываются вовлеченными в коррупционные отношения, необходимые для проведения количественного анализа данные по числу и типу вовлеченных в коррупционные практики акторов и взаимодействию между ними отсутствуют. Во-вторых, даже при условии наличия необходимых данных количественный анализ не позволяет ответить на ключевой исследовательский вопрос в силу того, что количественный инструментарий не способен выявить социальное значение коррумпированных сетей.

Анализ кейс-стади

Полицейские сети на рынке безопасности в Болгарии

Болгарское Министерство внутренних дел запрещает сотрудникам осуществлять какую-либо внеслужебную деятельность за исключением деятельности в сфере искусства, исследовательской или образовательной деятельности. В Болгарии предусмотрено уголовное преследование за взятки, однако, в отличие от России или Китая, отсутствует юридическое определение коррупции. Мы покажем, что функционирование и организация активной и широко распространенной болгарской коррупционной полицейской сети, действующей и в настоящее время, предполагает нелегальное использование служебного положения для оказания услуг частным лицам и организациям.

Есть три основные группы, которые конкурируют за долю рынка в секторе частного охранного бизнеса Болгарии. Первая группа состоит из полицейских руководителей, которые незаконно используют ресурсы системы внутренних дел и продают охранные услуги частным предпринимателям. Вторая группа включает в себя бывших полицейских. Они используют имеющиеся в их распоряжении большие базы данных по фирмам и частным лицам, а также контакты в стране и за рубежом, чтобы создавать охранные фирмы. Они нанимают как бывших, так и действующих сотрудников полиции (Shentov et al. 2004). Третья группа состоит из бывших спортсменов, которые контролируют страховые компании, игорный бизнес и проституцию. Между этими тремя группами были многочисленные столкновения с привлечением криминальных элементов. Тем не менее как и в России (Волков 1999; Латов 2001), действующие сотрудники полиции взяли верх над бывшими полицейскими и спортсменами. Существуют две основные причины. Во-первых, полиция внушает страх и поэтому представляет собой ценный ресурс для неорганизованного преступного мира. Бизнесмены предпочитают нанимать полицейских из «антитеррористического подразделения» и группы по борьбе с организованной преступностью, так как эти офицеры высококвалифицированные и представляют большую опасность для мафии (Shentov et al. 2004). Во-вторых, найм полицейских более рационален по сравнению с наймом представителей преступных группировок. Возможные издержки от вовлечения в связь с преступными группировками слишком высоки. Следовательно, в условиях расцвета организованной преступности и ненадлежащей работы полицейской службы в первые годы переходного периода, коррупционные сети полиции столкнулись с низкой конкуренцией со стороны соперников:

Иметь одного из нас охранником было привилегией и давало вам чувство безопасности. Деньги были очень хорошими. Это были темные времена. Люди в период 1993–1994 годов боялись, что кто-то может

в них стрелять, таким образом, много денег выделялось для защиты. Бывшие коммунистические деятели, которые были уволены или уволились сами, были первыми, кто пересек черту. Они знали, кто мы такие, и мы знали, кем они стали, поэтому, когда они увидели, что мы обеспечиваем защиту, они ушли из охранного бизнеса. Таким образом, наша цена поднималась все время, как и инфляция в Болгарии. Цена была € 75–100 в день (сотрудник патрульной полиции, Варна).

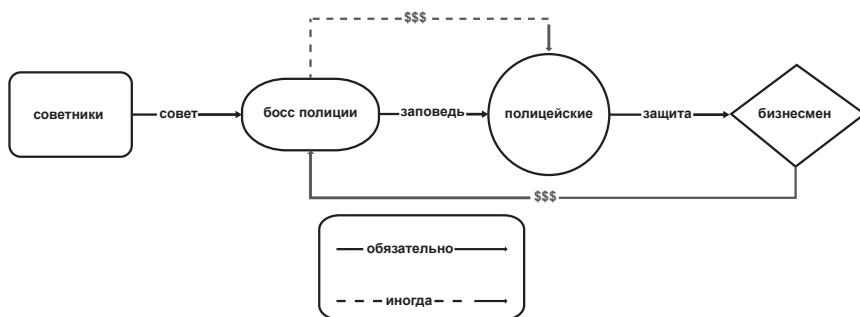

Рисунок 1. Сеть полиции безопасности в Болгарии

Схема найма охранников из МВД выглядит следующим образом (рис. 1): физическое лицо или организация, которым нужна помощь в сфере безопасности, должны сделать «пожертвование» в МВД. Цена, как правило, зависит от длительности и места «службы», а также от потенциальных рисков, связанных с тем, кто должен быть защищен. Только начальник регионального подразделения полиции (РПД) имеет право принять предложенное жертвование. Обычно жертвования сопровождаются заключением «неформального контракта» между начальником полиции и представителями частного лица: какие-либо официальные доказательства денежных переводов отсутствуют. Контракты подписываются в присутствии ближайшего сотрудника – главного бухгалтера начальника полиции и юридического советника. Бухгалтер и юрист играют роль распорядителей финансов того, кто отмывает деньги. Начальник решает, как, с какой целью и когда потратить полученные деньги. Несмотря на то, что охранные услуги непосредственно предоставляют низовые сотрудники правоохранительных органов, деньги идут в карманы высокопоставленных чиновников. Следовательно, многие офицеры работают во внеурочное время или бросают работу в полиции и идут работать в качестве охранников в частные компании, которые платят им значительно больше. Полицейский рассказывает:

Иногда мы сопровождаем сверх габаритные грузы или обеспечиваем безопасность автомобильных гонок. Это делается после подписания контракта между РПД и соответствующей стороны, которая просит о такой услуге. Контракт подписывается директором РПД, главным

бухгалтером и юристом. Средства переводятся на счет РПД. Если они считают, что нас тоже надо вознаградить, они дают нам часть этих денег (зам. руководителя Полиции безопасности, Пловдив).

Сети «товарного рейдерства» в России

Как и в Болгарии, Федеральный закон РФ о полиции запрещает полицейским получать дополнительный доход за исключением дохода от деятельности в сфере искусства, образования и исследовательской деятельности. На рис. 2 изображена конфигурация сети одной из полицейских коррупционных практик в России – «товарного рейдерства».

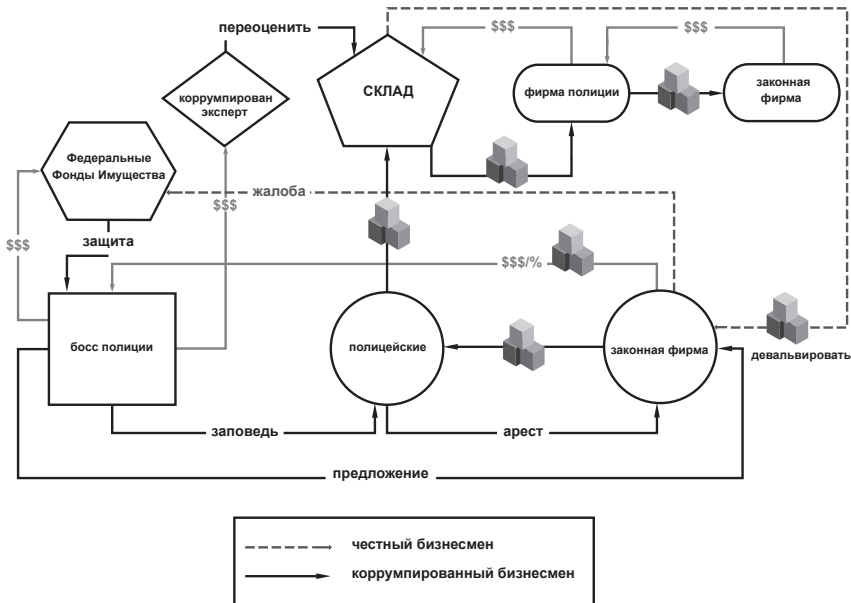

Рисунок 2. Российская сеть товарного рейдерства

В ее рамках полиция без оснований возбуждает уголовное дело против торговой компании, например, под предлогом того, что она якобы ввезла контрабандные товары и хранит их на своих складах. По приказу высокопоставленного чиновника, полицейские конфискуют товар. Правоохранители являются опытными институциональными предпринимателями (то есть действующими с использованием поддержки ведомства), которые умеют создавать и применять правовые лазейки в свою пользу. Они используют положение в государственных органах, имеющих право инициировать продажу вещественных доказательств без судебных решений или согласия владельца. Товары оцениваются коррумпированными экспертами по цене

в одну десятую от их рыночной стоимости, и приобретаются фирмами-однодневками, связанными с организаторами схемы. В свою очередь эти фирмы отмывают деньги, перепродав товар на свободном рынке по рыночной цене. Коррупцированные полицейские, использующие такие схемы, оставались безнаказанными, так как пользовались защитой со стороны прокуроров высокого уровня, судей и чиновников из Российского фонда федерального имущества, участвовавших в дележе нелегальных доходов от этих схем (Dubova, Kosals 2013).

В 2005–2006 гг. полицейские использовали эту схему, присвоив 400 тыс. мобильных телефонов у нескольких розничных торговцев и получив от этого доход приблизительно в 50 млн долларов США (Рубченко 2007). Организаторы и основные бенефициары этой схемы не были наказаны.

Сравнительный анализ: архитектура коррупционной полицейской сети

Ядро. Общей чертой большинства коррупцированных полицейских сетей (рис. 3) является участие в ней высокопоставленного офицера (босса), находящегося в центре сети и играющего роль неформального лидера (Punch 2009; Lauchs et al. 2011). Высокопоставленные болгарские полицейские, которые организуют коррупционные сети для сбора неформальных платежей с предпринимателей, приказывают своим подчиненным обеспечить защиту бизнесменам от уголовных расследований. Российские офицеры полиции, организующие схемы товарного рейдерства, вступают во взаимовыгодные отношения с министрами, судьями и прокурорами для защиты своей сетевой активности.

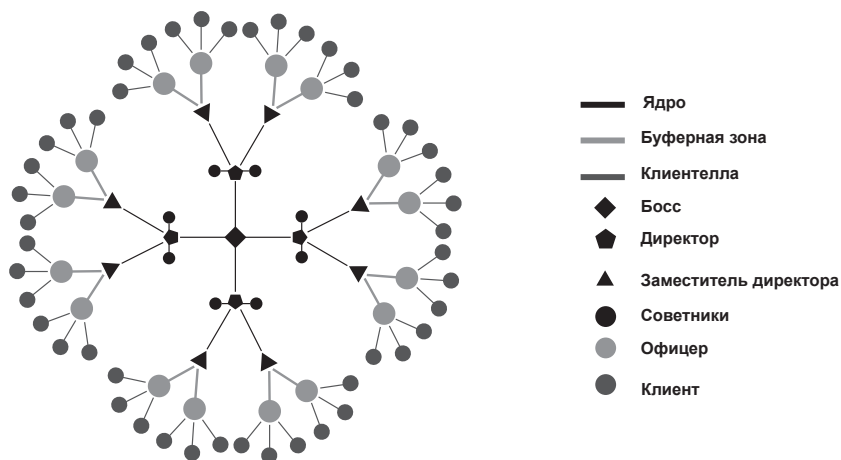

Рисунок 3. Общая конфигурация сетевой коррупции в полиции

Находящийся в центре сети полицейский, как правило, обладает харизмой и пользуется несомненным авторитетом, контролирует ситуацию в конкретном районе или криминальной сфере. Точно так же, как и в ситуации с его криминальными «коллегами», лидерами преступных организованных групп (см., Boissevain 1974: 147), он должен быть успешным «посредником» между клиентом и обществом, решая возникающие вопросы как в правовом поле, так и за его пределами. То есть, должен быть заинтересованным лицом и обладать способностью налаживания отношений с важными людьми с целью получения прибыли, а также при необходимости создавать условия для коррупции. Организатор принимает экономические решения, как, когда и кому передавать ресурсы, выступает гарантом цены и качества. И как правило, окружен заместителями, которые ему помогают, или «попечительским комитетом» из старших и влиятельных членов. Этот комитет часто формируется из советников, которые играют роль распределителей финансов. Они являются «экспертами по отмыванию» незаконно полученных денег, «обычно проводя их через цепочку сделок и инвестируя в законный бизнес» (Abadinsky 2012: 4). Например, в Болгарии, юридические консультанты и бухгалтеры помогают руководителям полиции во время деловых переговоров, перераспределяя собранные средства и организуя отмывание нелегальных доходов, чтобы замаскировать их происхождение. Российские высокопоставленные полицейские для отмывания денег пользовались услугами корумпированных экспертов и подставных компаний.

Буферная зона. Участники теневых сетей в полиции, как правило, обзаводятся т. н. буферными узлами на периферии сети, чтобы защитить себя и ядро группировки от уголовного преследования (Ivković 2005; Lauchs et al. 2011). Периферийные игроки развивают масштабную активность, в то время как основные игроки держатся от этой деятельности на расстоянии, чтобы остаться незаметными и защититься от любого уголовного дела (Lauchs et al. 2011). Например, высокопоставленные сотрудники болгарской полиции делегировали теневые задания с высокими финансовыми и жизненными рисками своим подчиненным в обмен на символическую оплату и политическое прикрытие. Подобным образом российские высокопоставленные чиновники, скрытые за непрослеживаемыми цепями государственных служащих и подставными предприятиями, собирают львиную долю незаконно приобретенных активов. Обычно, когда начинается расследование, вся ответственность за нелегальную деятельность перекладывается на полицейских низкого ранга.

Клиентела. Наконец, есть периферия сети, состоящая из клиентелы. Длинный список клиентов коррупционных полицейских сетей содержит законные и незаконные предприятия (Ivković 2005; Punch 2009; Lauchs et al. 2011). Нелегальные полицейские союзы заинтересованы в установлении стратегических коммерческих партнерств с топ-менеджментом бизнеса, который может финансировать их, с политиками, способными

предоставить политическую защиту сетей, с криминальными авторитетами, которые могут обеспечить клиентскую базу и информацию, а также с другими влиятельными фигурами. Например, высокопоставленные сотрудники болгарской полиции поддерживают теплые и взаимно выгодные связи с бизнесменами, криминальными фигурами и даже иностранными государствами, которые могут финансировать их в обмен на более снисходительные проверки и расследования. Российские полицейские устанавливают связи с ключевыми министрами, судьями и следователями, которые могут «прикрыть» их криминальную активность в обмен на плату.

Заключение и обсуждение

Болгария сделала попытку перехода к рынку и демократической политической системе, начала процесс интеграции в евроатлантические структуры, а также продемонстрировала значительные усилия по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. Россия также осуществила попытку перехода к рынку и демократии, хотя и продемонстрировала меньше изменений в политической и экономической системе и приложила меньше усилий по борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Западные демократии, как считается, имеют антикоррупционную культуру и более сильные механизмы контроля за преступностью и коррупцией. Следует ожидать, что все эти институционально различные государства (развитые западные страны, Болгария и Россия) имеют разные конфигурации коррупционных сетей.

Наш анализ показывает, что болгарские и российские теневые полицейские группы обладают очень похожей социальной организацией. Коррупцированные полицейские сети обычно имеют «ядро», состоящее из высокопоставленного чиновника, который, с помощью «консультативного совета», выполняющего, в свою очередь, роль распорядителя финансов, принимает ключевые экономические и политические решения, как, кому, где и когда платить. Ядро окружено буферной зоной, которая защищает его от уголовного преследования. Рядовые члены, или распорядители финансов активно действуют, в то время как высокопоставленные чиновники управляют коррупционной схемой, оставаясь за кулисами. Общей чертой всех коррупцированных союзов является то, что, в отличие от формальных организаций, финансовые потоки поднимаются снизу вверх, к вершине командной цепи. Наконец, есть периферия, включающая клиентов сети. Коррупцированные полицейские способны объединиться с влиятельными должностными лицами, которые могут предостерегать и защищать их от внутренних и внешних угроз в обмен на вознаграждение.

Коррупционные сети больше напоминают интеллектуальное предприятие, чем анархическую преступную группу. Коррупционная сеть имеет постоянных клиентов, владельцев и сотрудников. Существуют свидетельства

четкого разделения труда, иерархии, наличия определенных обязанностей и неформальных прав собственности. Коррупционный процесс тщательно отработывается с клиентом, организуется и реализуется в определенном порядке, в соответствии с которым каждый член добавляет свой вклад в конечный продукт. Целью создания коррумпированных союзов является получение денежной прибыли, а не политическая власть или насилие.

Используя инновационный набор данных и методов анализа, мы вносим вклад в изучение организованной преступности, анализ тайных сетей и тайных сообществ. Проведенный анализ позволяет понять, как коррумпированные должностные лица, вовлеченные в теневые практики, в разных обществах реализуют структурно похожие тайные схемы по приобретению, защите и использованию незаконно приобретенных благ.

Выявлены общие черты и различия между коррупцией, организованной преступностью и деятельностью законных предприятий. Более того, мы способствуем развитию институциональной теории путем анализа особого рода институционального предпринимательства государственных чиновников. Коррумпированные чиновники создают собственные институты с помощью тайных, незаконных и зачастую насильственных способов, чтобы защитить активы, полученные с помощью коррупции. Мы также освещаем обстоятельства и механизмы, с помощью которых развиваются различные коррумпированные отношения.

Организованное девиантное поведение полицейских неэффективно для демократического государства. Так же, как и организованная преступная группировка, такие полицейские фабрикут угрозы и создают атмосферу незащищенности на рынке. Это дискриминирует участников рынка и несправедливо по отношению к тем полицейским, которые поддерживают порядок.

Выражения признательности

В статье использованы данные проекта «Неформальная экономическая деятельность полиции: сравнительный анализ трансформирующихся стран», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2014 г).

Список источников

Волков В. (1999) Силовое предпринимательство в современной России. *Социологические исследования*, (1): 56–65.

Латов Ю. (2001) Особенности национального рэкета: история и современность. *Мир России*, 10 (3): 153–182.

Рубченко М. В. (2007) В состав банды входит прокурор. *Эксперт*, (41). Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9mwuC> (дата обращения: 03 марта 2016).

Abadinsky H. (2012) *Organized Crime. 10th Ed.*, Wadsworth, CA: Cengage Learning.

Barnes J. A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, (7): 39–58.

- Boissevain J. (1974) *Friends of Friends: Networks, Manipulators and Coalitions*, Oxford: Basil Blackwell.
- Bott E. (1957) *Family and Social Network*, London: Tavistock Publications.
- Burt R. (1978) Applied Network Analysis: An Overview. *Sociological Methods Research*, 7 (2): 123–130.
- Crossley N., Edwards G., Harries E., Stevenson R. (2012) Covert Social Movement Networks and the Secrecy-Efficiency Trade Off: The Case of the UK Suffragettes (1906–1914). *Social Networks*, 34 (4): 634–644.
- Crossley N. (2010) The Social World of the Network: Combining Quantitative and Qualitative Elements in Social Network Analysis. *Sociologica*, (1): 1–34.
- Dubova A., Kosals L. (2013) Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics and Law*, 51 (4): 48–58.
- Edwards E. (2010) *Mixed-Method Approaches to Social Network Analysis*. National Center for Research Methods. Working paper: NCRM/015, Southampton: National Center for Research Methods.
- Eisenhardt K.M., Graebner M.E. (2007) Theory Building from Cases: Opportunities and Challenges. *Academy of Management Journal*, 50 (1): 25–32.
- Gerber P., Mendelson S. (2008) Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law and Society Review*, 42 (1): 1–44.
- Granovetter M. (2004) The Social Construction of Corruption. R. Swedberg (ed.) *On Capitalism*, Stanford, CA: Stanford University: 152–172.
- Hobbs D. (1995) *Bad Business: Professional Crime in Modern Britain*, London: Oxford University Press.
- Ivković S. (2005) *Fallen Blue Knights: Controlling Police Corruption*, New York: Oxford University Press.
- Jancsics D. (2015) "A Friend Gave Me a Phone Number" – Brokerage in Low-Level Corruption. *International Journal of Law, Crime, and Justice*, 43 (1): 68–87.
- King G., Keohane R. O., Verba S. (1994) *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kosals L. (2007) Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*, 1 (57): 67–85.
- Lauchs M., Keast R., Yousefpour N. (2011) Corrupt Police Networks: Uncovering Hidden Relationship Patterns, Functions and Roles. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*, 21 (1): 110–127.
- Mitchell J.C. (1969) *Social Networks in Urban Situations*, Manchester: Manchester University Press.
- Moreno J.L. (1934) *Who Shall Survive? Foundations of Sociometry*, Washington, DC: Group Psychotherapy and Sociodrama, Nervous and Mental Disease Publishing Company.
- Morselli C., Giguire C., Petit K. (2007) The Efficiency/Security Trade-off in Criminal Networks. *Social Networks*, 29 (1): 143–153.
- Punch M. (2009) *Police Corruption: Deviance, Accountability and Reform in Policing*, London: Routledge.
- Scott J. (1967) An Essay on the Political Functions of Corruption. *Asian Studies*, (5): 501–523.
- Shentov O., Todorov B., Stoyanov A. (2004) *Partners in Crime: The Risks of Symbiosis between the Security Sector and Organized Crime in Southeast Europe*, Sofia: Centre for Study of Democracy.
- Wasserman S., Faust K. (1994) *Social Network Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.

Ivan Aymaliev

A COMPARATIVE ANALYSIS OF CORRUPT POLICE NETWORKS IN BULGARIA AND RUSSIA

In spite of institutional change, corrupt networks have been tremendously successful enterprises at the expense of the public good and continue to return and evolve with new elements. For corruption to prosper it must possess an efficient and resilient social organization. Given the understudied nature of organized police corruption and its detrimental consequences for socio-economic development and (inter)national security, this study seeks to understand how corruption functions as a social system in different institutional regimes. To do this, we draw upon organised crime, covert networks, secret societies, and organisational theories, using a mixed-method approach that combines comparative case study and qualitative social network analysis to reconstruct the actual operational schemes of two ongoing corrupt police networks in Bulgaria and Russia. This analysis reveals that in spite of corruption's diverse manifestations in a variety of institutional regimes, organisations and societies, it exhibits a common network configuration. Shadow police alliances typically have a core led by a high-ranking official who, assisted by 'money movers,' takes key economic and political decisions. The core develops a buffer zone to protect itself from investigation. Low-ranking officers tend to undertake high-profile activity while the core members tend to keep such activities at an arm's length from themselves to ensure deniability of any corrupt practices. Finally, there is a periphery composed of an officer clientele that finances, warns and protects the network from internal or external threats. Networked police corruption is predominantly oriented towards moneymaking, resembling an intelligent enterprise more closely than terrorist or anarchic criminal groups. It has regular customers, owners and workers. There is evidence of labour division, hierarchy and defined responsibilities. The production process of corruption is carefully conceptualised with the client and is organised and operationalised in an elegant assembly line, in which every member adds new value to the final product. This is incentivised by a sense of property rights enforced by the secret code. Nevertheless, organised police corruption is far from being efficient or similar to the democratic practices of a state institution. Just like an organised criminal group, it fabricates threats and self-perpetuates on the very insecurity it injects in the market. It produces discrimination on the market and is unfair towards those policemen who do not engage in corruption.

Key words: corruption, covert networks, police, Bulgaria, Russia, comparative case study, qualitative social network analysis

References

- Abadinsky H. (2012) *Organized Crime. 10th Ed.*, Wadsworth, CA: Cengage Learning.
- Barnes J. A. (1954) Class and Committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*, (7): 39–58.
- Boissevain J. (1974) *Friends of Friends: Networks, Manipulators and Coalitions*, Oxford: Basil Blackwell.
- Bott E. (1957) *Family and Social Network*, London: Tavistock Publications.
- Burt R. (1978) Applied Network Analysis: An Overview. *Sociological Methods Research*, 7 (2): 123–130.
- Crossley N., Edwards G., Harries E., Stevenson R. (2012) Covert Social Movement Networks and the Secrecy-Efficiency Trade Off: The Case of the UK Suffragettes (1906–1914). *Social Networks*, 34 (4): 634–644.
- Crossley N. (2010) The Social World of the Network: Combining Quantitative and Qualitative Elements in Social Network Analysis. *Sociologica*, (1): 1–34.
- Dubova A., Kosals L. (2013) Russian Police Involvement in the Shadow Economy. *Russian Politics and Law*, 51 (4): 48–58.
- Edwards E. (2010) *Mixed-Method Approaches to Social Network Analysis. National Center for Research Methods*. Working paper: NCRM/015, Southampton: National Center for Research Methods.
- Eisenhardt K.M., Graebner M. E. (2007) Theory Building from Cases: Opportunities and Challenges. *Academy of Management Journal*, 50 (1): 25–32.
- Gerber P., Mendelson S. (2008) Public Experiences of Police Violence and Corruption in Contemporary Russia: A Case of Predatory Policing? *Law and Society Review*, 42 (1): 1–44.
- Granovetter M. (2004) The Social Construction of Corruption. R. Swedberg (ed.) *On Capitalism*, Stanford, CA: Stanford University: 152–172.
- Hobbs D. (1995) *Bad Business: Professional Crime in Modern Britain*, London: Oxford University Press.
- Ivković S. (2005) *Fallen Blue Knights: Controlling Police Corruption*, New York: Oxford University Press.
- Jancsics D. (2015). 'A Friend Gave Me a Phone Number' – Brokerage in Low-Level Corruption. *International Journal of Law, Crime, and Justice*, 43 (1): 68–87.
- King G., Keohane R. O., Verba S. (1994) *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kosals L. (2007) Essay on Clan Capitalism in Russia. *Acta Oeconomica*, 1 (57): 67–85.
- Latov Y. (2001) Osobennosti Nacionalnogo reketa: istoria i sovremennost' [Characteristics of State Racketeering: History and Modernity]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 10 (3): 153–182.

- Lauchs M., Keast R., Yousefpour N. (2011) Corrupt Police Networks: Uncovering Hidden Relationship Patterns, Functions and Roles. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*, 21 (1): 110–127.
- Mitchell J. C. (1969) *Social Networks in Urban Situations*, Manchester: Manchester University Press.
- Moreno J. L. (1934) *Who Shall Survive? Foundations of Sociometry*, Washington, DC: Group Psychotherapy and Sociodrama, Nervous and Mental Disease Publishing Company.
- Morselli C., Giguire C., Petit K. (2007) The Efficiency/Security Trade-off in Criminal Networks. *Social Networks*, 29 (1): 143–153.
- Punch M. (2009) *Police Corruption: Deviance, Accountability and Reform in Policing*, London: Routledge.
- Rubchenko M. V. (2007) V sostav bandy vhodit prokuror [This Criminal Gang includes a Prosecutor]. *Ekspert* [Expert], 41. Available at: <https://elck.ru/9mwuC> (accessed: 03 March 2016).
- Scott J. (1967) An Essay on the Political Functions of Corruption. *Asian Studies*, (5): 501–523.
- Shentov O., Todorov B., Stoyanov A. (2004) *Partners in Crime: The Risks of Symbiosis between the Security Sector and Organized Crime in Southeast Europe*, Sofia: Centre for Study of Democracy.
- Volkov V. (1999) Silovoe predprinimatelstvo v sovremennoy Rossii [Violent Entrepreneurship in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1: 56–65.
- Wasserman S., Faust K. (1994) *Social Network Analysis*, Cambridge: Cambridge University Press.